ОШИБКА

МАТИЛЬДА СТАРР
ДАЯНА СТИЛ

18+

Романтика. Эротика. Страсть

Матильда Старр

Ошибка

«ЛитРес: Самиздат»
2019

Старр М.

Ошибка / М. Старр — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Романтика. Эротика. Страсть)

Чтобы спасти семью от разорения, Ульяна соглашается на фиктивный брак. Только она и предположить не может, с кем проведет первую брачную ночь.

© Старр М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 14
Глава 6 16
Глава 7 18
Глава 8 21
Глава 9 23
Глава 10 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Глава 1

В темной комнате было прохладно, но, несмотря на это, меня бросило в жар. Зачем он меня сюда притащил?

– Скажите… – почему-то шепотом начала я, но он резко оборвал:

– Молчи! – Хрипотца в его голосе царапнула, скользнула холодком вдоль спины.

– Но…

Я и моргнуть не успела, как он припечатал меня к стене и навалился сзади. Да что с ним? Он вообще в своем уме? Я дернулась, пытаясь высвободиться, но он лишь крепче вжал меня в стену. Жар сильного мужского тела плавил кости, впитывался в кровь, разносился по венам, лишая желания сопротивляться. Внутри растекалась лихорадочная слабость, отзываясь дрожью предвкушения внизу живота. Мужчина склонил голову.

– Не говори ни слова, – хрипло пробормотал он, задевая губами ухо.

Висок опалило горячее дыхание, вздыбив волосы на затылке, и я судорожно сглотнула. Неужели это происходит со мной? И… с ним… Мысли смешались, и я окончательно перестала хоть что-то понимать.

Его рука проехалась по бедру, задирая подол платья. Платья, под которым не было белья!

Он, видимо, тоже почувствовал это – с тихим рыком прикусил мое плечо, стиснул стальными пальцами бедра. Дыхание перехватило, по коже пробежала волна сладкой дрожи. Ноги подкашивались, стена плавно качалась из стороны в сторону, и мне казалось, что меня вот-вот куда-то унесет. Я запоздало испугалась. Так не должно быть! Я обязана его остановить – даже если он сошел с ума, я-то в порядке!

Но вместо этого я жадно и часто вдыхала его запах – запах горьковатого парфюма и разгоряченного тела. И понимала, что единственная причина, по которой ничего не делаю, – я не хочу его останавливать.

Горячая ладонь смяла ягодицу, невыносимо медленно поехала вниз, заставив замереть в томительном, сводящем с ума ожидании. Мужские пальцы скользнули между ног – и я тихо застонала.

За месяц до этого

Мы вышли из здания университета на два часа раньше, чем должны были, потому что апрель, потому что весна и потому что староста обещала отметить, что мы были на этой лекции.

– Ну и куда сейчас? – Маришка радостно смотрела по сторонам, видимо, поражаясь обилию перспектив.

– Можем пойти в парк или на набережную, а можем просто прогуляться и придумать на ходу, – предложила я.

– Тоже годится, – согласилась Маришка.

Но мы не пошли ни в парк, ни на набережную. И даже просто прогуляться в этот раз была не судьба. Черный «мерин» мягко притормозил у тротуара, ровненько под знаком, который сообщает всем нормальным людям, что здесь мягко притормаживать совсем не стоит. Но здоровенные шкафообразные парни, сидевшие в машине, похоже, к нормальным не относились. Неужели будут знакомиться? Ха-ха, очень смешно.

– Ульяна Светлова? – то ли спросил один из шкафов, то ли поставил меня в известность.

Я подобралась и приготовилась нажать тревожную кнопку на брелоке – верное средство от похищений. Если твой отец – крупный бизнесмен, о таких вещах узнаешь куда раньше, чем хотелось бы. А правила безопасности вызубриваешь лучше, чем правила дорожного движения.

Идентифицировав меня, шкаф скомандовал:

– Садитесь в машину. Давайте без глупостей!

Да уж… Не тот похититель нынче пошел! Кто уговаривает жертву сесть в машину? Надо хватать, натягивать мешок на голову и засовывать ее в багажник самостоятельно. Совсем обленились!

– Извините ребята, но, пожалуй, откажусь, – сказала я, отходя подальше от дороги. Просто на всякий случай.

Шкаф, кажется, растерялся. Видимо, не ожидал отказа. Он закрутил головой, словно оглядываясь на кого-то. Стекло плавно отъехало вниз, и я увидела знакомое лицо. Ну как – знакомое… С этим человеком я сталкивалась буквально пару раз, но он из тех, кто врезается в память намертво. Если мой отец крупный бизнесмен, то Тимур Александрович Бояринцев – запредельно крупный бизнесмен.

Вот это сюрприз! В голове никак не укладывалось, что сам Бояринцев может ждать меня у университета.

– Садись в машину, Ульяна! – тихо повторил он.

И желания спорить не возникло.

– Извини, – сказала я Маришке, – погуляешь одна? У меня тут дела.

– Все в порядке? – она покосилась на автомобиль.

– Да, не волнуйся, – отмахнулась я со спокойствием, которого совсем не чувствовала.

Все точно было не в порядке, но Маришка вовсе не тот человек, который может мне помочь, так что и впутывать ее незачем. Я сделала несколько шагов к машине, шкаф проворно выскочил и открыл передо мной дверцу. Я чуть помедлила, прежде чем опуститься на сиденье.

– Что-то случилось? – спросила я у Бояринцева.

Взгляд стальных глаз, казалось, пронзил меня насквозь.

– А Костик, значит, тебе ничего не сказал?

Я не сразу поняла, что за Костик и почему он должен был мне что-то сказать.

– Так и знал, бережёт…

И тут меня осенило: Костик – это же мой отец.

– Поговорить надо.

Глава 2

Аскетичная обстановка офиса, куда меня привезли, немного удивила. Мне казалось, что такие бизнесмены, как Бояринцев, стремятся иметь все лучшее, а здесь было как-то уж слишком… просто. Даже офис моего отца выглядел презентабельнее. Впрочем, кто сказал, что это офис Бояринцева? Я не вижу тут никаких семейных фотографий или селфи с министрами… Ничего такого! Может, выгнал кого-нибудь из подчиненных специально для этой встречи.

Бояринцев прошел вперед, кивнув мне на сиротское кресло для посетителей, и уселся за стол, каким-то непостижимым образом мгновенно заполнив собой весь кабинет. И сразу стало совсем неважно, какие тут стены, потолок или мебель: единственное, что словно магнитом притягивало взгляд, – сам хозяин. Я лихорадочно вспоминала, что про него знаю. Кажется, у него есть дети, приблизительно мои ровесники. А самому ему около сорока, плюс-минус, но на свой возраст он не выглядит. Он вообще не выглядит ни на какой возраст – высокий, широкоплечий, мощный и… опасный. И эта неуловимая опасность не отталкивала, нет. Скорее завораживала.

– Насколько я понимаю, новостей ты ещё не знаешь.

– Каких новостей? – спросила я внезапно севшим голосом.

Под немигающим властным взглядом что-то спрашивать было крайне неуютно. Хотелось как можно скорее со всем согласиться и исчезнуть.

– Твой отец был очень неосторожен, последние несколько его решений оказались неверными. Он связался не с теми людьми и… потерял деньги.

Я почему-то с облегчением выдохнула.

Потерял деньги? Не так уж и страшно. Мы давно не паниковали, прекрасно зная: даже если сегодня идут дела не очень, завтра они наладятся. Разве может быть иначе? Всю мою сознательную жизнь именно так и случалось.

– Большие деньги, – тихо сказал Бояринцев.

Повисла пауза. Он поднялся из-за стола, подошел к шкафчику, оказавшемуся холодильником. Достал бутылку минералки, с характерным щелчком свернул крышку, налил воды в стакан и подал мне. А ведь и правда, в горле как-то сразу пересохло.

– Боюсь, вести прежний образ жизни у вас не получится. Твой отец не только потерял всё, но теперь ещё и должен больше, чем имел. Твоей сестре придется вернуться из Европы, а брату пойти в самую обычную школу. Отдыхать вы будете не на островах, как привыкли, а на даче в пригороде, впрочем, дачу тоже придется продать.

А вот теперь стало страшно. Хотя… Кто сказал, что он говорит правду? Может быть, просто пытается меня запугать. Только вот зачем ему меня запугивать? И почему этот разговор он ведет именно со мной?

– Вы ведь не просто так все это мне рассказываете, – ровно выговорила я, стараясь не выдать охватившей меня паники. – О чем должен был предупредить меня отец?

– Ты знакома с моим сыном?

С его сыном?.. Но при чем тут его сын?!

– Не уверена, – недоуменно пробормотала я.

Он развернул ко мне монитор своего компьютера, с которого улыбался симпатичный молодой человек. Пожалуй, даже слишком симпатичный. В его позе, в улыбке, во взгляде явно читалось, что он очень доволен собой. И совсем не читалось, что мы когда-либо виделись.

– Лицо кажется знакомым, – честно сказала я, – но мы никогда не сталкивались.

Бояринцев достал из стола папку, раскрыл её.

– Вообще-то, сталкивались. Прошлым летом вы в одно и то же время отдыхали в***. Ваши отели были буквально в километре друг от друга. Правда, ты прилетела, когда он уже собирался домой… Пересеклись всего на два дня, но, полагаю, этого достаточно.

– Достаточно для чего? Я с ним не виделась ни там, ни после!

В чем он, черт возьми, меня подозревает? Думает, что у меня роман с его сыном, а дочь разорившегося бизнесмена – плохая партия? Что за чушь!

– А еще вы могли видеться вот на этом приеме. Он проходил буквально через месяц после возвращения. И тогда уже у вас была возможность познакомиться поближе.

Какой прием? Какая еще возможность?

– Ещё раз говорю, мы не знакомы и никаких отношений между нами нет!

Эй! Здесь меня кто-нибудь слышит?!

– Я знаю, – неожиданно сказал Бояринцев, – Но ведь могли быть.

Я перестала что-либо понимать.

– Что вы от меня хотите?

– Я хочу, чтобы ты вышла замуж за Игоря.

Вот это называется – приплыли! Пока я глотала воду из стакана, Бояринцев невозмутимо продолжал:

– В настоящее время ты не состоишь ни в каких отношениях, у тебя нет молодого человека… Так что это никому не разобьет сердце.

– Вы что, следили за мной? – выдавила я.

– Самую малость, – улыбнулся он, но глаза по-прежнему оставались холодными и цепкими, как у акулы! – Должен же я быть уверенным, что отдаю сына в хорошие руки.

Очень смешно!

– Зачем это нужно? – прямо спросила я.

– Ну… Допустим, сразу после свадьбы или даже до нее я прощу твоему отцу все долги. Его бизнес, недвижимость и прочее останется при нем.

Я едва удержалась, чтобы не фыркнуть. Разумеется. Не случайно же он начал разговор о браке с подробного описания бедственного финансового положения нашей семьи.

– Это понятно. А вам оно зачем?

Глава 3

Бояринцев-старший был из числа тех, кого называют акулами бизнеса. Желтая и нежелтая пресса замаялась считать его деньги. Он обладал крутым нравом, подчиненные, партнеры и даже покровители из числа министров ходили по струночке. Единственный, кто выбивался из общей гармоничной картины, – это его сын. Юный отпрыск постоянно находил возможность привлечь к себе внимание охотников за скандалами. И все бы ничего, но в последнее время выходки отпрыска стали отражаться на бизнесе. Европейские партнеры не торопились с заключением контракта. То им требовалась дополнительная информация, то консультировались с юристами – в общем, тянули время.

Бояринцев, видя, что что-то тут не так, спросил напрямую и без обиняков:

– В чем, черт возьми, дело?

Европейские партнеры немного помялись, но честно признались: дело в неблагонадежном сыночке. У них, партнеров, годами наработанная репутация, а тут недели не проходит без нового скандала, и оказаться в центре очередного им совсем не хотелось.

Вот тогда-то олигарху в голову и пришло женить сыночка, а тут ещё так удачно разорился мой отец.

– Но послушайте, зачем вам я? Взяли бы какую-нибудь провинциальную охотницу за лучшей жизнью и горя не знали.

Бояринцев придавил меня взглядом к стулу.

– Задача состоит в том, чтобы прекратить скандалы, а не устроить ещё один. Нет, жена моего сына должна быть из нашего круга.

* * *

До разговора с отцом я где-то в глубине души надеялась, что все это окажется неправдой. Или не совсем правдой. Например, Бояринцев преувеличил для убедительности, а на самом деле положение нашей семьи не такое уж и бедственное. Но с первых же минут стало понятно, что ничего он не преувеличивал. Напротив, кажется, реальность была даже хуже, чем мои предположения. Отец отвел глаза в сторону и недовольно буркнул:

– Ему не надо было в это вмешиваться. Со своими проблемами я разберусь сам и точно не позволю тебе…

– Папа, перестань, – перебила я. – Это всего лишь на год. К тому же мы с Тимуром Александровичем очень четко оговорили условия. Мне ничего не грозит, брак будет фиктивным.

– Тебе придется жить с ними в одном доме!

– С ними? – ошеломленно протянула я.

Перспектива оказаться под одной крышей с непутевым отпрыском Бояринцева меня не пугала. Я уже успела посмотреть фотографии, почитать записки желтой прессы. Сын олигарха был тем ещё разгвоздяем, но, похоже, характер имел легкий и незлобивый. Видимо, дело в том, что несметные богатства достались ему просто так, от рождения, и единственной его заботой было их тратить, придумывая для себя все новые и новые способы борьбы со скукой, о которых ходили легенды.

А вот его папочка, похоже, знал наперечет каждую из заработанных копеек, потому что начинал с нуля и все вырывал зубами. И о крутости его характера тоже ходили легенды.

– Бояринцев-старший решил взять под контроль сыночка, чтобы все время был под рукой и не безобразничал, – вздохнул отец и добавил, решительно выпрямив плечи: – Не надо, дочка. Сам выпутаюсь, не впервой…

Похоже, не очень-то он в это верил. Сердце защемило от жалости. Никогда еще я не видела своего сильного волевого отца таким… растерянным, таким…

– Ничего, – улыбнулась я, – как-нибудь справлюсь. Не монстр же Бояринцев, ей-богу. К тому же у него масса дел. Да он вообще не заметит, что в его доме кто-то там есть!

Я говорила все это скорее для того, чтобы успокоить отца, но сама отлично понимала: ближайший год точно не будет простым.

Глава 4

– Ну ты тихушница! Такого мужа отхватила – и никому ни слова! Да это просто преступление!

Я улыбнулась и загадочно пожала плечами. Знали бы девчонки, что мы с «таким мужем» познакомились в день, когда подавали заявление в загс. И виделись потом ровно четыре раза – когда на светских мероприятиях изображали пару. Но этого знать никто не должен. Даже Маришка. Даже Аленка, прилетевшая на два дня из Европы, чтобы не пропустить мою свадьбу. Вообще никто. Но как же трудно держать язык за зубами, когда лучшая подруга и любимая сестрица смотрят на меня такими круглыми глазами, будто я внезапно защитила докторскую по молекулярной химии. Или выиграла гонку Париж-Дакар на трехколесном велосипеде.

– И платье у тебя просто роскошное!

Роскошное… Это слабо сказано. Невероятное платье. За право меня одеть сражались, кажется, все салоны столицы. Конечно, ведь наряд будет активно мелькать в светской хронике. Но даже это не главное. Среди тех, кто читает светскую хронику, мало кому нечто подобное по карману, а вот среди девушек, приглашенных на торжество, таких хватает!

Я невольно покосилась в зеркало, в который раз узнавая и… не узнавая себя. Наверное, именно так я и мечтала бы выглядеть на своей свадьбе… Если бы вообще мечтала о свадьбе.

– Вы такая красивая пара!

Красивая, не поспоришь. Об этом без слов говорили то и дело прилетающие со всех сторон взгляды, самые разные. Оценивающие, завистливые – от женщин, восхищенные – от мужчин.

До ушей долетела негромкая английская речь, я невольно прислушалась.

– Откровенно говоря, я поначалу не поверил, – сказал один голос, – думал, что мистер Бояринцев, как это здесь говорится, водит нас за нос. Но сейчас, когда я увидел эту пару, готов признать: я ошибался.

– Согласен, – поддержал его собеседник. – Ради такой девушки мог измениться даже отъявленный шалопай.

Похоже, те самые партнеры с незапятнанной репутацией. Я усмехнулась. Да уж, Бояринцев оказался прав, как всегда, и все рассчитал верно. Я отыскала его взглядом. Он стоял возле пожилой пары и обсуждал с ними явно нечто этакое, с большим количеством нулей. Улыбался вполне дружелюбно. И совсем не был похож на опасного хищника. Хотя не переставал им быть.

Кстати, а почему не существует миссис Бояринцевой? Ну, то есть теперь уже существует – я… Но почему у самого Тимура Александровича жены нет? И как на такую вольность смотрят зарубежные партнеры? И… вообще. Почему я об этом думаю? Какое мне дело?

А свадьба тем временем катилась своим чередом, звенели бокалы, произносились тосты, что-то бубнил ведущий. Гости веселились, перетекали по залу, собирались парочками, кучками, между делом заводили полезные знакомства, заключали устные соглашения, что-то обсуждали… В общем, развлекались на всю катушку. Среди бурлящей толпы встречались знакомые лица. Пара деловых партнеров отца с женами степенно прогуливались, примыкая то к одной, то к другой группе. Аленка хохотала, участвуя во всех подряд дурацких конкурсах, Маришка шепталась с каким-то смутно знакомым парнем… Невесело хмурился отец, зато мама, которой мы с папой ничего, конечно, не сказали, гордо сияла, как и положено сиять счастливой матери счастливой невесты. Любимого младшего братца нигде не наблюдалось. Видно, мужественно оттрубив навязанное приличиями время, он ускользнул из-под родительского бдительного ока, забился в какой-нибудь укромный угол и завис в пронесенный контрабандой телефон. Я его понимала. Я бы тоже куда-нибудь скрылась и зависла, если б в сего-

дняшнем спектакле не исполняла главную роль. Так что мне оставалось лишь изображать вселенскую радость, улыбаться и терпеливо ждать, когда этот фарс закончится.

В очередной раз мимо прошел Бояринцев-старший. Он вообще почему-то постоянно попадался мне на глаза. То с кем-то что-то обсуждал, то отдавал распоряжения, то танцевал с чьими-то женами или дочерями. Вот и сейчас у него на руке висела какая-то рыжая дамочка, увешанная бриллиантами, словно новогодняя елка. У кого-то совершенно нет вкуса. Нацепить на себя столько драгоценностей, да еще к такому жуткому платью! И прижиматься к собеседнику, заглядывая ему в глаза, вовсе не обязательно!

Стоп! Да какое мне дело, кто там к нему прижимается?!

– Я хочу поднять этот бокал за мою прекрасную жену! – вновь раздалось рядом.

Новоиспеченный муж приобнял меня за талию и уже явно собирался поцеловать, но наткнулся на мой взгляд. На долю секунды в его глазах мелькнуло веселье, он отсалютовал бокалом, залпом выпил шампанское и развернулся к своим друзьям-подружкам.

– Лучшая девушка на свете! Не каждому так повезет!

Интересно, мне одной послышался в его голосе тщательно скрытый смешок? Развлекается, гад! Скорее бы уже домой!

Хотя нет, домой ещё нескоро. Ближайший год я буду жить в особняке Бояринцевых. Сегодня утром туда отвезли мои вещи. Почему-то именно в этот момент я почувствовала, что клетка захлопнулась.

* * *

Отвезли мои вещи! Да уж, их действительно отвезли, и действительно в особняк Бояринцева. Только кто мог знать, что у него этих особняков как у дурака фантиков. И вся моя одежда, украшения, да, черт возьми, даже ноутбук, сменное белье и молочко для снятия макияжа – все оказалось у черта на куличках, в другом конце города. И чтобы доставить это сюда, нужно перебудить чертову уйму народу, и все равно мои чемоданы окажутся на месте часа через три, не раньше.

Ну и кому все это может понадобиться в четыре утра? Проблема налицо, а решать её особенно некому. Мой супруг как-то сразу самоустранился. К концу свадебного вечера он умудрился так напиться, что сейчас от него не то что решений, даже более или менее внятной речи добиться было невозможно. Единственное, что он выговаривал хорошо, так это:

– Раз ты теперь моя жена, мы должны ночевать вместе! Первая брачная ночь. А что? Имею право.

Больше всего мне хотелось в крепких выражениях объяснить, на что он имеет право. Трудно было поверить, что блестящий красавчик, каким он был в начале вечера, мог словно по злому волшебству превратиться вот в это.

– А ну-ка, спать! – раздалось за моей спиной.

Я едва не подпрыгнула на месте. Умеют же некоторые приказывать. Вроде бы и не кричал, и не угрожал, а не послушаться невозможно. Игорь Тимурович, счастливый молодожен и примерный семьянин, хоть и был пьян до полного изумления, моментально испарился.

А я осталась наедине с хозяином дома. И эта гостиная, и весь особняк Бояринцева производили странное впечатление. Во всяком случае, в той части, которую я успела увидеть. Серо-бежевые тона, дорогая мебель, немного дорогого же декора на стенах – и никаких безделушек, милых сердцу вещиц, легкого беспорядка, выдающего, что тут живут люди и они любят свой дом. Словно хозяевам было абсолютно наплевать, где ночевать, а дизайнер не особо фонтанировал идеями, боясь не угодить норовистому заказчику. Вот и получилась безликая стандартная красота прямиком из глянцевого каталога. Ничего похожего на нашу бестолковую, безалаберную, но такую уютную и теплую квартиру. Неудивительно, что мне тут было не по

себе. И присутствие Бояринцева-старшего уверенности не добавляло. Хотелось зажмуриться, а открыть глаза уже дома, в любимой кровати, и с облегчением понять, что все это мне только приснилось.

– Что-то не так? – пророкотало над ухом. Я вздрогнула. Подкрадывается как… как хищник! – Тебе разве не показали твою комнату?

Со мной Бояринцев говорил немного мягче, чем с сыном. Но тоже без особой теплоты в голосе. Ничего удивительного, что у него нет жены!

– Показали, – обернулась я и сглотнула, наткнувшись на немигающий взгляд. – Отличная комната, мне там все нравится. Только переодеться не во что. Мои вещи…

Бояринцев кивнул, видимо, ему уже доложили о случившемся.

– Пойдем! – Он развернулся и зашагал вперед, ничуть не сомневаясь, что я бегу следом. – Валентина в этом доме сейчас не бывает, но какие-то тряпки в шкафу точно должны оставаться.

Валентина – младшая дочь Бояринцева. Она уехала вместе с матерью и давно тут не появлялась. Даже на свадьбу они не явились… Но это не мое дело.

Бояринцев остановился у одной из дверей, толкнул ее и кивком указал внутрь:

– Подберешь себе что-нибудь. Твои вещи привезут с утра.

Я послушно шагнула через порог и застыла. Брать без спроса чужие вещи мне не хотелось. Если бы так же поступили с моими, мне бы не понравилось. Вот только как сказать это Бояринцеву?

Но тот по-своему понял мое замешательство.

– Все вещи чистые, тут с этим строго.

Вот уж в чем я не сомневалась! У такого, как Бояринцев, уверена, вообще со всем строго. И как ни крути, мою проблему он все-таки решил. Теперь мне не придется выбирать: спать в свадебном платье или голышом.

Глава 5

Я прошла в комнату Валентины. К счастью, хозяин дома за мной не последовал. Это к лучшему: копаться при нем в вещах его дочери было как-то совсем нехорошо. Но стоило закрыть за собой дверь и распахнуть дверцы шкафа, я ахнула. Что он там говорил? Она давно здесь не бывает? Даже сомнений нет – давно. Эти вещи могла бы надеть на себя разве что пятнадцатилетняя девочка, да ещё и лет десять назад. Кислотные цвета, идиотские принты… Сначала я хотела ограничиться пижамой, благо нашлась вполне приличная, свободная и подходящая по размеру. Но потом подумала, что обещанное Бояринцевым «с утра» – понятие растяжимое, вдруг зачем-то понадобится выйти из комнаты? Откуда мне знать, как тут у них все заведено. Может, свалят чемоданы кучей у дверей, и тащи их сама куда хочешь. А рассекать по чужому дому лучше все-таки не в пижамных кружевных шортиках, а в каком-нибудь дневном наряде. Я с полчаса провела, копаясь в одежде, и наконец отыскала одно-единственное платье, которое худо-бедно на меня налезло, хоть и едва прикрывало попу.

С этим двумя трофеями я и отправилась в свою комнату. Она действительно была неплоха, и все необходимое для жизни здесь имелось. В ванной обнаружились новенькие гигиенические принадлежности, вплоть до одноразовой зубной щетки. Видимо, под мою комнату приспособили какую-нибудь гостевую.

Первым делом я приняла душ, постирала белье и развесила его на полотенцесушителе, робко надеясь, что к завтрашнему утру оно высохнет. Нацепила на себя пижаму, нырнула под одеяло и… с ужасом поняла, что больше всего на свете хочу есть.

Ну разве можно быть голодной после такого роскошного пира, который Бояринцев закатил, празднуя свадьбу единственного сына? А я была. И все потому, что во время торжества не могла проглотить ни кусочка, совершенно не было аппетита. Зато теперь аппетит проснулся, да еще какой! Молодец. Я ворочалась, пытаясь уснуть. Но желудок нагло урчал, не собираясь сдаваться. Я вздохнула и решительно вылезла из кровати.

Ладно, чем я рискую? Дом практически пустой, мой драгоценный супруг явно уже видит десятый сон, да и его папаша наверняка угомонился, день был непростой. Если не слишком шуметь, можно найти кухню, уж холодильник там должен быть.

Я натянула на себя Валентинино платье, с сомнением покрутилась перед зеркалом, стараясь одернуть подол как можно ниже… Потом махнула рукой на это бесполезное занятие – все равно же никто не увидит! – и, осторожно приоткрыв дверь, прислушалась. В доме стояла мертвая тишина, не было слышно ни звука, ни шороха. От души пожелав всем крепкого сна, я выскользнула из комнаты.

Кухня нашлась на удивление быстро, и холодильник нашелся, и еда в нем – тоже. Я шустро покрошила салат, сглатывая от нетерпения, соорудила пару бутербродов и отыскала на дверце початую пачку сока. Грейпфрутовый! Надо же, у кого-то в этом доме вкусы совпадают с моими.

Я плюхнулась за стол и жадно впилась в бутерброд, отхватывая от него большие куски, заедая салатом и запивая его соком. Это было так вкусно, что я даже зажмурилась от удовольствия. Правда, сок немного горчил. Или мне показалось? Да нет, точно горчил. И не немного! Он был слишком горьким даже для грейпфрутового… Что за противный привкус?

После еды я почувствовала себя как-то странно: голова кружилась, перед глазами плыло… Как пьяная, честное слово. Впрочем, нет. Настолько пьяной я себя даже не припомню. Может, потому что на кухне ужасно душно? Как они тут вообще живут! Я подергала окно, но оно не открылось.

Ну и черт с ним! У дома, насколько я разглядела по приезде, должен быть отличный сад. И я вполне могу прогуляться. Я ведь тут не пленница?

Свежий ночной воздух рванул в легкие, и мне действительно стало лучше. Но не слишком. Я спустилась с крыльца, прошлась по выложенной плиткой дорожке и пошатнулась, едва устояв на ногах. Голова кружилась, свет от фонарей плыл перед глазами, превращая обычный сад в картину Ван Гога. Ерунда какая-то. Наверно, я просто устала, собственная свадьба, пусть и фиктивная, – это вам не шуточки. Это ого-го! Да, точно устала. Сейчас нырну в кровать и… Я развернулась и пошагала обратно к крыльцу. Не хватало ещё грохнуться в обморок на парковой дорожке. Черт, где же тут вход? Кажется, был где-то здесь…

Ага, вот он! От меня не спрячешься! И лестница, и козырек – все есть! Правда, лестница, когда я выходила, точно была шире. А еще раньше тут горел фонарь, у самого входа. Такой прикольный, с завитушками, типа старинный. Украли, что ли? Караул, у Бояринцевых сперли фонарь! Держи вора! Едва удерживаясь, чтоб не захихикать, я вскарабкалась по ступенькам и вцепилась в ручку обеими руками. Дернула раз, другой… Дверь не открылась. Вот это здорово! Пока я совершала вечерний променад по саду и дышала свежим воздухом, кто-то не только фонарь украл, но и дверь запер? И что же, мне теперь ночевать на улице? Или просто это я так ослабела, что не могу открыть? Я дернула дверь сильнее, но она не поддалась.

– Что ты шумишь? Весь дом разбудишь, – проговорил кто-то сзади.

Сердце подпрыгнуло и скатилось в пятки. Голос я узнала сразу же, хоть он и был тихим-тихим. Бояринцев. Великий и Ужасный! Только какой такой дом он боится разбудить, если здесь ночуют всего трое, при этом я и он стоим на крыльце, а мой муж и его сын забылся пьяным сном. Теперь хоть из пушки стреляй, его не разбудишь.

– Ты что, пила? – строго спросил Бояринцев.

Я хотела возмутиться и что-то сказать в свое оправдание. На свадьбе я едва пригубила шампанское, исключительно для вида. А здесь пила только сок. В чем он меня подозревает?! Но только я открыла рот, Бояринцев сердито буркнул:

– Предупреждал же, я этого не люблю!

Странно… Я вот что-то не помню, чтобы он меня о чем-то предупреждал. Мы вообще мало говорили.

– Ладно, пойдем, – ледяным голосом сказал он, отпирая дверь.

Я хотела пискнуть: «Куда?» – но он впихнул меня внутрь, сгреб в охапку и потащил по темному коридору.

Спрашивать расхотелось. Все мои мысли были сконцентрированы на том, чтобы не грохнуться, ноги почему-то заплетались ещё сильнее, чем на парковой дорожке. Да и что тут спрашивать? Ясное дело: заподозрив меня в пьянстве, новый родственник решил лично доставить непутевую невестку в комнату.

Ну и ладно. Что-то мне становилось все хуже и хуже, в горле совсем пересохло, в голове гудело, а окружающая действительность так и норовила размыться и превратиться в одно сплошное пятно.

Мы остановились. Дверь открылась, сильные руки втолкнули меня в комнату. Что за манеры!

– Эй! – возмутилась я. Но из пересохшего горла вырвался лишь неубедительный писк.

– Сказал же, не шуми, – шикнул Бояринцев и закрыл дверь.

Что он собрался делать в моей комнате? На какое-то мгновение мне удалось сфокусировать взгляд, перед глазами в полной темноте прорисовались два оконных проема. Откуда два? У меня одно окно…

И стало ясно: комната эта вовсе не моя.

Глава 6

Через мгновение я оказалась прижата грудью к стене, подол рывком задрали, и мужская рука по-хозяйски нырнула между ног. Этого не может быть! Что я делаю? Что он делает? Так нельзя, потому что… Почему я уже не успела подумать – горячая ладонь между ног шевельнулась, пальцы жадно стиснули нежную плоть, и все правильные мысли вылетели разом из головы.

Осталась холодная шершавая стена, жар мужского сильного тела сзади, навалившегося так, что не вздохнуть. Я всхлипнула, инстинктивно плотно сдвинув бедра, то ли пытаясь ее остановить, то ли желая прижать еще сильнее… Между ног стало жарко и влажно. Его пальцы с силой задвигались, потирая, сминая, грубо терзая промежность, дразня и распаляя. Я зажмурилась и тяжело задышала. Это было больно и… так приятно… Слишком приятно, черт побери… Жаркая пульсация поднималась снизу живота, по телу прокатывались волны дрожи, соски так напряглись, что почти впивались в холодную стену. Я тихонько стонала, подставляясь под безжалостные ласки.

Хорошо…

Как же упоительно хорошо…

Несколько умопомрачительно сладостных минут, и я выгнулась и вскрикнула, содрогаясь от яркого, острого оргазма. Коленки подогнулись, и я обмякла, едва устояв на подламывающихся ногах. За спиной раздался удивленный смешок, меня отпустили. Пару секунд я стояла, тупо уперевшись лбом в стену. За спиной тихо шуршало, и я догадалась, что он надевает презерватив.

Подол рванули вверх, и между голых ягодиц вдавился возбужденный член, скользнул ниже, раздвигая припухшую влажную плоть. Туда, обратно. Сильно, грубо, нетерпеливо, толкаясь в поисках входа. От этих толчков, от горячего дыхания над ухом, от непристойности и порочности всего этого мгновенно перехватило дыхание. Знакомое возбуждение возвращалось, разгоняло обморочный сладкий дурман, кипело в крови, ядом бежало по венам. Первобытное, дикое, сильное. Я же только что… такого не может быть? Но могло. И было. И почти полная темнота, в которой все происходило, только добавляла жару. Внизу живота сладостно запульсировало, я со стоном выгнулась, шире раздвигая ноги, дернула бедрами, сходя с ума от желания поскорее самой насадиться на твердый горячий ствол. И истошно вскрикнула, когда он с силой ворвался в меня, растягивая и наполняя теплом и такой желанной, упоительной тяжестью.

На мгновение мужчина замер, а потом навалился сзади и задвигался, яростно вонзаясь в мое тело. При каждом мощном толчке меня терло о стену, колючую и шершавую, голым животом, грудью, напрягшимися от возбуждения сосками. Ни ласк, ни нежности, только грубый напор и животная похоть. И это заводило еще сильнее. От острого, пряного, почти болезненного удовольствия хотелось выгибаться и кричать в голос, наплевав на то, что мне это запрещено. Перед глазами вспыхивали и гасли звезды, под кожей перекатывались волны колючего жара, свиваясь в тугой пылающий узел внизу живота.

Сильная рука обхватила за талию, оторвала от стены. Словно в каком-то полупьяном забытье я поняла, что меня развернули. Мгновение – и я уже лежала на кровати, упираясь локтями. Его член вколачивался в мое тело, рука задирала платье все выше, сбивая тонкую ткань. Я горела, чувствуя, как скользит в моем теле мощный, тугой ствол, и каждый раз, когда он погружался полностью, едва не лишалась сознания и обмирала от странного, невыносимого чувства потери, когда он выходил из меня. Я уже ничего не понимала, задыхалась, едва живая.

Он жадно мял мои груди, больно выкручивая соски, и от них словно молниями прошивало все тело, ударяя точно в промежность, мгновенно отзывавшуюся сладкими спазмами. Я

стонала, выгибаясь, как струна, металась и всхлипывала от изысканной умопомрачительной пытки, стараясь прижаться распаленной плотью еще сильнее к мужскому паху, растаять, осыпаться искрами. Но он не давал. До синяков стиснул мои бедра стальными пальцами, то с силой дергал их на себя, то придерживал, балансируя в шаге от ослепительного оргазма. Весь мир вибрировал, кружился, пылал темным колючим жаром. Ощущения были настолько убийственно яркими, что, казалось, еще немного, и я потеряю сознание.

– Пожалуйста… Пожалуйста… – проскулила я, не в силах не то что говорить, даже думать.

В голове шумело и вспыхивало, тело ломило от нестерпимого возбуждения, по коже прокатывались волны лихорадочного жара. Тряслись уже не только коленки, но и руки. Он задвигался быстрее, и некоторое время слышались лишь шлепки плоти о плоть, тяжелое короткое дыхание и мои всхлипы и стоны. Пара особенно яростных толчков, и я выгнулась, закричав в голос. Сзади раздался победный рык, руки подломились, и я без сил распласталась по кровати, уплывая в дурман блаженной неги.

Какое-то время тишину прерывало лишь наше разгоряченное дыхание. А потом он сказал:

– Это было… неожиданно. Неожиданно хорошо.

Я вяло перевернулась на спину и бездумно положила ладонь на его твердый и плоский живот. Под влажной кожей перекатывались крепкие мышцы, и веяло от этого лежащего рядом тела звериной мощью, грацией, необузданной первобытной мужской силой без малейших признаков цивилизации. Концентрированный стопроцентный самец, победитель, которому достается все… И было так неожиданно сладко касаться этой мощи, что я не удержалась и скользнула ниже…

Мою руку тут же перехватили стальные пальцы, что-то зашуршало, и в ладонь легли хрустящие бумажки… Купюры?..

– Одевайся. Я провожу тебя. Или найдешь выход?

Понимание пришло сразу же. Черт… он принял меня за девушку по вызову! Ну конечно! Я ведь отправилась спать. Он знать не знал, что я могу бродить по темному саду!

А куда делась та, настоящая? Впрочем, какая разница!

– Найду! – пропищала я не своим голосом. Быстро подскочила, нашарила валяющееся рядом платье, кое-как натянула его и выскочила из комнаты.

Глава 7

Я проснулась довольно поздно. Спала бы дольше, но в комнату постучали.

– Да… – промямлила я, плавая между сном и явью.

– Доброе утро, Ульяна. – В дверь заглянула молодая женщина в строгой униформе с передничком. – Меня зовут Анна Евгеньевна, можно просто Анна. Я присматриваю за домом. – Она мягко улыбнулась. – Там ваши вещи привезли…

– Спасибо… – пробормотала я, вновь сонно закрывая глаза.

Едва уловимый горьковатый аромат коснулся носа, мгновенно пробудив воспоминания о прошедшей ночи. Сильные руки, сжимающие мою грудь, горячее дыхание, колючая жаркая бездна и упоительно сладкая истома, плавящая разум. Моя кожа… Это она пахла им, его руками, его жадными объятиями и крепким мускулистым телом, словно он и сейчас был рядом со мной и… во мне… От одного только этого запаха дыхание перехватило и томительно сладко сжалось внутри…

Господи, да что же это такое? В душ, немедленно! Под ледяную воду! Дверь тихонько скрипнула, я мгновенно подскочила в кровати и воровато покосилась на… как там… Анну Евгеньевну, будто она могла подсмотреть, что творится в моей голове. Щеки горели так, что даже ушам было жарко. Мысли метались, и вспомнить суть разговора удалось с трудом.

Вещи! Мы говорили про мои вещи!

– И где же чемоданы? – наконец мне удалось выдавить из себя что-то связное.

– В прихожей, – тихо ответила Анна Евгеньевна и снова улыбнулась. У нее была дивная улыбка и ямочки на щеках. Пожалуй, она еще моложе, чем мне показалось вначале, так что вполне можно называть ее Анной… – Вам сейчас их принести или позже?

– Сейчас… – торопливо сказала я.

– Хорошо. Помочь разобрать вещи?

– Нет, – отказалась я, – сама разберу, потом.

Анна кивнула и вышла, тихо притворив за собой дверь. Как только ее каблучки поцокали по коридору, я соскочила с кровати и полетела в ванную. На полотенцесушителе белым флагом болталось подсохшее белье. Никогда его больше не надену. Вообще выкину! Мстительно сделав воду похолоднее, я яростно орудовала мочалкой, смывая с себя все запахи и воспоминания. Зубы стучали, кожа покрылась мурашками, зато в голове постепенно прояснялось. И по мере того, как прояснялось, все, что случилось ночью, начинало казаться каким-то далеким, нереальным. Оно настолько не вписывалось в мою привычную жизнь, в мои представления о самой себе, что впору было подумать, что мне просто приснился странный сон. Но увы, это был не сон, и мысль о том, что мне придется столкнуться с Бояринцевым лицом к лицу да еще и смотреть ему в глаза, наполняла душу диким ужасом.

Нет, я что ни за что, ни за какие коврижки не выйду из этой комнаты! Именно так! До скончания времен останусь сидеть тут.

Но было кое-что, что могло помешать этому плану: мне нестерпимо хотелось пить, просто невозможно, как будто бы я месяц провела не в постели, а в пустыне Сахара. Очень скоро стало ясно: если я не хочу умереть от жажды, выйти все-таки придется. Для начала – из душа, пока я насмерть тут не замерзла. И вообще. Очевидно же, что Бояринцев-старший меня не узнал, принял за кое-кого другого. Вполне возможно, что и не узнает. А значит, все, что произошло, – ужасная ошибка, и она останется моей персональной тайной.

Когда я выбралась из ванной, до бровей замотанная в полотенце, чемоданы аккуратным рядком стояли около шкафа. Оперативно!

Я отыскала самый пуританский комплект белья, джинсы, майку. Оделась, расчесала волосы и, осторожно шагая и оглядываясь, будто из-за каждого угла на меня могли напасть, отправилась на кухню.

Приоткрыла дверь и выдохнула с облегчением. Здесь никого нет! Вот и славно.

Я достала из холодильника воду, налила стакан и жадно выпила. Этого показалось мало, налила ещё раз и… чуть не выронила стакан из рук.

Протопали приближающиеся шаги, дверь распахнулась, и…

И на пороге появился мой фиктивный супруг. Я даже обрадовалась, увидев его. Да я бы обрадовалась хоть черту лысому – лишь бы на его месте не оказался Бояринцев-старший.

Вид у моего муженька был потрёпанный и заспанный. Неудивительно после вчерашнего. Как вообще он поднялся в такую рань? Буркнув мне что-то невразумительное, то ли «Доброе утро!», то ли «Убирайся к черту!», он прямой наводкой рванул к холодильнику и достал тот самый грейпфрутовый сок. Остановился, недоуменно взвесил пакет на руке, посмотрел на меня недобрым взглядом.

– Ты, что ли, его пила?

Я пожала плечами.

– Вот уж не знала, что здесь в холодильнике продукты хранятся раздельно, каждому свои… Ну да, пила.

– Женский алкоголизм не лечится, – отмахнулся муженек, наливая сок в стакан. Тут же осушил его залпом и наполнил снова. – А два пьющих человека в семье – это катастрофа!

– Женский алкоголизм? – опешила я. – При чем тут…

– Да ладно, не строй из себя невинное дитя. Отец запретил держать в доме спиртное, пришлось выкручиваться. Вот я и разбавил сок водкой. Он терпеть не может грейпфрутовый и никогда бы не просек. Но ты добралась до моей заначки раньше.

Я ахнула. Так вот почему сок казался мне каким-то непривычно горьким… То-то меня шатало. «Усталость, духота…» Да я просто была пьяна до чертиков и даже этого не заметила. Зато кое-кто другой заметил.

– А где Тимур Александрович? – спросила я, изо всех сил стараясь выглядеть спокойной и равнодушной. Самое главное – не покраснеть ненароком.

– Анна сказала, что уехал ещё с утра и сегодня уже не явится.

Не явится? Я с облегчением выдохнула. Только вот это было какое-то странное облегчение. К нему явно примешивалось что-то еще. Досада? Разочарование? Глупости! Это не может быть разочарование. Я точно не хочу его видеть. И даже знаю, как это можно организовать!

– Я, наверное, съезжу к родителям… Давно не виделись…

– А вот это вряд ли, – похоронил мои мечты Игорь. – Отец велел торчать целый день дома, изображая счастливых молодоженов, которые не могут друг от друга оторваться, если ты понимаешь, о чем я.

Я понимала… И это меня совершенно не устраивало. Весь день в одиночку слоняться из угла в угол, терзаясь чувством стыда и вины, – так себе перспектива!

– И чем тут можно заняться?

– Смотреть фильмы, читать книги. А внизу ещё есть тренажерный зал, сауна и куча всякой ерунды. А если ты меня очень попросишь, я зарегистрирую тебя на одном симпатичном сайте, где ты можешь просадить в рулетку немного папиных денег. Не стесняйся, меньше их все равно не станет.

– Спасибо, обойдусь, – сказала я и собралась выходить из кухни.

– Да ладно тебе, не будь букой. – Игорь Тимурович остановил меня у самых дверей. – Я по утрам не самое дружелюбное существо на свете, но это не значит, что надо ссориться. И раз уж ближайший год нам придется изображать счастливую супружескую пару, считаю, нам просто необходимо наладить тесные дружеские взаимоотношения!

И он торжественно водрузил руку на мое плечо.

Я не очень поняла, насколько тесными, на его взгляд, должны быть эти дружеские отношения, но руку на всякий случай сбросила.

– Я не собиралась ссориться, – сказала я, – за сок извини, я понятия не имела, что там. И впредь предупреждай, рассказывай, в какие продукты ты будешь прятать, к примеру, наркотики, где хранишь оружие… Так всем будет проще, а мне будет еще и безопаснее.

– Хорошо! – Он рассмеялся как-то уж очень обаятельно, легко и непринужденно.

Когда люди так смеются, даже против своего желания заражаешься этим смехом. Я улыбнулась.

– Знаешь, что я подумал. Раз уж отец сегодня не явится, ты могла бы пригласить в гости своих институтских подруг… Не очень много… Двоих.

– Зачем тебе понадобились мои институтские подруги? – недоуменно спросила я.

– Нет-нет. – Игорь замахал руками. – Твои подруги мне совершенно ни к чему. Они наверняка такие же правильные, как ты. Приедут мои подруги. А ты сделаешь вид, что они твои. Ну… Встретишь у входа, поулыбаешься, обнимешь. Мало ли… Вдруг отец прав и у нас за каждым кустом дежурят папарацци, чтобы уличить молодую семью в обмане.

За каждым кустом?! Надеюсь, что нет. Иначе сегодня ночью у них был отменный улов: трепетная новобрачная, пьяная в дупель, да еще в совершенно идиотском прикиде, выписывает кренделя по дорожкам сада…

– Ну что? – Муженек умильно заглядывал в глаза, точь-в-точь как кот из Шрека.

Я задумалась. С одной стороны, мероприятие рискованное. Злить Бояринцева-старшего – развлечение для экстремалов, а я себя к таковым не относила. С другой – наладить отношения со своим собратом по несчастью тоже было бы неплохо…

– Только пусть эти твои подруги выглядят как мои подруги, – сдалась я. – Без сапог на угрожающей платформе, без коротких юбок…

– Совсем без юбок? – заинтересованно уточнил дорогой муж. Но, уловив прищуренный взгляд, тут же поднял руки.

– …Без жуткого макияжа. В общем, прилично!

– Договорились! – обрадовался он и крепко сжал меня в объятиях. – Могу тебе сказать, ты самая покладистая жена из всех, которые мне встречались! Ладно, пойдем отсюда. Скоро придет повар готовить обед, и лучше ему не мешать, он этого не любит.

– Стоп. А повар… Или Анна… Они ведь увидят девиц, – засомневалась я. – Думаешь, не нажалуются?

– Не нажалуются, потому что не увидят. После обеда они исчезнут как по волшебству – чтобы не смущать счастливых молодоженов.

Девушки явились оперативно, буквально спустя полчаса.

Конечно, на моих институтских подружек они не были похожи. Мои подруги одеваются не так дорого. И вид у моих подруг не настолько холеный и сытый.

Я встретила девчонок на пороге, мы радостно обнялись, и одна даже вручила мне коробочку с подарком. Я машинально отметила, что сумочки у моих «подруг» слишком велики и, кажется, там что-то подозрительно позвякивало.

Стоило нам войти в дом, улыбаясь и щебеча о том, как мы безумно рады друг друга видеть, и закрыть за собой дверь, как тут же нарисовался Игорь, принял барышень из моих рук и уволок куда-то вглубь особняка…

А я прошла в свою комнату и стала разбирать вещи. На ближайший год мой дом здесь. И пусть он больше напоминает сумасшедший дом, что-то изменить я не в силах.

Глава 8

Тимур Александрович Бояринцев прибыл на работу в отличном настроении. Он бы и сам не мог сказать, почему день казался ему особенно хорошим. Вообще, нормальные люди недовольно ворчат, когда приходится работать по воскресеньям. И уж точно не напевают себе под нос марш Мендельсона, который прицепился вчера и никак не желал отставать.

– Доброе утро, Тимур Александрович.

– Доброе утро! Мне чай. И не соединяйте ни с кем.

Марина была идеальным секретарем. Прежде чем удалось ее найти, ему пришлось уволить с десяток девиц, которые приходили в этот офис якобы работать, а на самом деле где-то в глубине души мечтали подобраться поближе к нему, олигарху. И его деньгам, конечно, как без того. Если не женить его на себе, подвинув бывшую, то хотя бы устроить свою жизнь так, как это представлялось им выгодным. Он видел их насквозь. Он всех видел насквозь. Пахал как проклятый и от остальных требовал того же, а потому в его планы романы на работе не входили. И вообще никакие романы не входили. Именно поэтому он не заводил отношений, предпочитая девушек из элитной эскорт-службы. Конфиденциальность, безопасность и отсутствие проблем. Последнее он ценил больше всего.

Стоп. Причина хорошего настроения найдена. Вчерашняя девушка… Хоть он и терпеть не мог пьяных, особенно женщин, но она оказалась неожиданно хороша… Юная, неопытная – видимо, новенькая – и потрясающе искренняя. Уж он-то такое чувствовал своим отточенным бизнесом, почти звериным чутьем. Ее немного влажные волосы лезли в нос и пахли странно и тонко, неуловимо знакомо. Отчаянные, хриплые стоны, то, как по-настоящему она содрогалась в оргазме… Молодое, гибкое, податливое тело, что жарко и с готовностью откликалось на все, что он с ним проделывал… Вспомнив, что конкретно он проделывал, Бояринцев ощутил такую тесноту в брюках, что ошарашенно выдохнул и некоторое время приходил в себя. Пришлось ослабить галстук и расстегнуть верхнюю пуговицу на рубашке. Чертовщина какая-то. Он уже и забыл, как оно бывает, так вот неконтролируемо.

Нет, пожалуй, пора заняться делами, а не какими-то буйными непристойными фантазиями. Он взрослый мужик, привыкший держать все под контролем, а не мальчишка, задолбанный бушующими гормонами. А хорошее настроение… Что ж, оно еще никому не мешало.

Бояринцев решительно пододвинул к себе бумаги и вчитался в первый документ.

Так, немцы прислали новый вариант контракта. Уже лучше, но кое-какие уступки от него все же требовались. Он несколько раз перечитал текст. А собственно, почему бы и нет? Пусть будет. Уступки не такие уж и большие, а если партнеры будут чувствовать, что им пошли навстречу, глядишь, все пройдет гладко.

– Отлично выглядите сегодня, – сказал он секретарю, когда смог, наконец, выглянуть в приемную. – Распечатайте и пригласите юристов, я готов подписать документы.

Он сделал вид, что не заметил, как удивленно взметнулись брови Марины. Ну да, раньше он не особо замечал, как тут кто выглядит, да и уступок от него мало кто мог дождаться, привык вырывать своё всеми возможными способами.

Кстати, о том, чтобы брать свое… Почему бы не изменить привычкам и не заказать ту же девушку еще раз? Переспать и забыть, избавиться от наваждения. Да не возвращаться сегодня в дом молодоженов – пусть сами разбираются, – а уехать с ней за город. В конце концов, сегодня будет что отпраздновать. Он взял телефон, открыл нужное приложение… И застыл.

Два сообщения, датированные этой ночью.

> «К сожалению, выбранная Вами девушка заболела, но мы можем заменить ее на другую. Пожалуйста, подтвердите свое согласие».

«Заказ не подтвержден, поэтому снимается. Хорошего вечера!»

Что? Девушка не приехала… А кого же он тогда…

Ответ пришел сразу. Дикий, нереальный. И все-таки – единственно возможный. Это была дочка Светлова. Его невестка. Когда она успела налакаться, какого черта таскалась по улице в шлюшьем платье и без белья – да какая теперь разница. Идиот! Да что там идиот – слепой идиот! Что-то показалось знакомым? Еще бы!

Бояринцев тяжело шагал по кабинету, кипя от ярости, и позвонивший не вовремя зам получил такой разнос, который запомнил до конца своей жизни.

– Тимур Александрович, все в сборе, – осторожно сказала Марина, слегка приоткрыв дверь. – Я провела их в конференц-зал.

Подписание контракта прошло в рекордно короткие сроки. Бояринцев молчал, изредка кивал и окидывал всех своим непроницаемым тяжелым взглядом. Теперь уже и юристы, и представители партнеров смотрели на него с подозрением, ожидая какого-то подвоха. Ничего. Пусть понервничают, сговорчивее будут.

Как только дорогие гости разошлись, он заглянул в приемную, но не стал проходить в кабинет.

– Отмените все до конца дня, мне нужно срочно уехать, – сказал он Марине.

И вовсе не соврал. Дело, которое у него было, действительно не терпело отлагательств.

Глава 9

Я бы, наверное, предпочла просидеть в своей комнате до самого вечера. Но время перевалило далеко за полдень, вещи были разобраны и водворены на свои места, на все сообщения я ответила, а валяться в обнимку с ноутбуком, прислушиваясь к тому, как урчит в животе, не казалось мне хорошей идей. А где-то там, совсем рядом, повар уже давно должен был закончить свою работу. И уйти. Вместе с Анной.

Дом был почти пуст. Только в одной из комнат отмечал день бракосочетания мой фиктивный муж. Он как раз утолял голод несколько иного рода, если я правильно поняла явление барышень. Но вряд ли он и его гостьи станут бродить по дому… А если и станут? Их появление меня вряд ли смутит. Главное – сегодня здесь нет и не будет Бояринцева-старшего.

И мне вовсе незачем умирать от голода в своей комнате.

Я выбралась за дверь, тише мыши проскользнула по коридору, чувствуя, как кружится голова от умопомрачительных запахов. На кухне было светло, чисто и пусто, лишь негромко гудел холодильник. Солнечный свет лился через широкие окна и, отражаясь от кафеля, плескался жидким пятном на потолке, яркими зайчиками скакал по пузатым блестящим кастрюлькам на плите, источающим ошеломляющие ароматы. Кажется, кроме меня, на еду никто не претендовал.

Я с удовольствием пообедала, затем покопалась в пакетиках с чаем, без труда обнаружила свой любимый сорт, заварила его и уже собиралась насладиться тишиной, покоем и одиночеством, как дверь приоткрылась, и я едва не выпустила чашку из рук.

На пороге застыл Бояринцев-старший. Высокий, мощный, напряженно хищный…

За сотую долю секунды глаза жадно впитали и пиджак, небрежно перекинутый через плечо, и ослабленный галстук, и сильную шею в расстегнутом вороте рубахи, и большие крепкие руки, торчащие из закатанных по локоть рукавов, и немигающий взгляд темных глаз.

И тут же остро полоснуло страхом.

Сердце сделало такой кульбит, что удивительно, как оно вообще не вылетело вон и не покатилось по солнечному полу под ноги Великому и Ужасному.

Откуда, черт побери все на свете, он тут взялся?! Он же не должен был приехать! Я мгновенно вспотела от ужаса, но затылку стало холодно, словно к нему приложили кусок льда, а в голове как-то враз освободилось слишком много места, и все это место заняла одна-единственная мысль: знает?! Я поспешно отхлебнула из чашки. Крепкий горячий чай рванул внутрь, едва не спалив мне язык, зато мозги встали на место. Главное – не трястись, как кролик перед удавом. Надо завести какой-нибудь непринужденный разговор. Что-то такое, что можно было бы обсуждать, если бы этой ночью я спокойно спала в своей постели, а не… Стоп, только не вспоминать сейчас об этом! Ну же, соберись, тряпка!

– А что вы здесь делаете? – выдавила я из себя.

Наверное, можно было бы придумать вопрос глупее, но для этого пришлось бы крепко постараться. Что он может здесь делать? Он вообще-то здесь живет! И это его дом. Впрочем, учитывая все обстоятельства, я ещё неплохо держалась. Конечно, лучше было бы поздороваться, но это почему-то не пришло мне в голову. Хотя Бояринцев тоже не особо утруждался соблюдением этикета.

Он вообще молчал. И от этого молчания я прошла семь кругов ада, или сколько их там, и приближалась к восьмому, когда он, наконец, ответил.

– Я… – Его голос внезапно стал хрипловатым и низким.

Как вчера. Я судорожно сглотнула, машинально облизав пересохшие губы. Неужели узнал? Эта мысль отозвалась ужасом и еще каким-то странным чувством, названия которого я не знаю.

Бояринцев усмехнулся, шагнул в кухню…

И обычным тоном обычного человека, у которого все отлично и хорошее настроение, сказал:

– Проезжал мимо, дай, думаю, заеду на обед…

Просто заедет на обед, ага. Обычный человек, ага. Кем-кем, а уж обычным человеком Бояринцева мог посчитать только слепо-глухо-немой отшельник, безвылазно просидевший на необитаемом острове последние лет пятьдесят.

– А заодно и посмотрю, как молодые, – он бросил пиджак на спинку соседнего стула и прошел к плите, – не разнесли ли дом… деточки.

От пиджака еле уловимо пахло солнцем, машиной, чистым мужским потом и горьковатым парфюмом. Бояринцевым… Я залпом выпила чай, совершенно не чувствуя вкуса, и пожала плечами.

– До сих пор не разнесла ни одного дома, не думаю, что ваш должен стать исключением.

– В тебе-то я не сомневаюсь. – Бояринцев загремел крышками, с интересом рассматривая содержимое кастрюлек и принюхиваясь.

Фух, кажется, он не догадался… Думает, что это была другая! Ну и славно…

– А вот твой муж способен на многое…

Он как-то особенно выделил слово «муж», и мое минутное облегчение сменилось паникой.

Черт, мой муж! Как у меня это вылетело из головы! Мой муж сейчас как раз проводит время в обществе длинноногих красоток и горячительных напитков с моего молчаливого одобрения.

Вот попали… И что теперь делать?

Вообще-то, убедительное вранье не входит в число моих талантов. В школе меня не взяли в театральный кружок, да и отец постоянно подтрунивал: «У тебя на лице все написано». Поэтому я на всякий случай отвернулась от Бояринцева и стала загружать посуду в машину.

– А что мой муж? Кажется, позавтракал и продолжил отсыпаться после вчерашнего. Впрочем, тут такой большой дом, что мы оба можем гулять по коридорам целый день и ни разу не встретиться…

Надеюсь, я не переигрываю? Интересно, он поверил? Не заподозрил ли чего? Я все-таки не удержалась и бросила быстрый взгляд на Бояринцева.

Тот пристально смотрел на меня, и было в этом взгляде что-то странное, что-то неправильное… В общем, так не смотрят на невесток, тем более фиктивных! Знает! Точно знает!

Но Бояринцев лишь едва заметно усмехнулся и загремел посудой, накладывая себе что-то из шедевров повара.

Нет, не может быть. Я просто себя накручиваю. И много болтаю. Ну кто меня за язык тянет?! Этот разговор следовало прекратить как можно скорее, чтобы себя не выдать. А ещё нужно как-то предупредить своего непутевого супруга, что, так сказать, родители вернулись в разгар вечеринки. Или не надо предупреждать? Вдруг наш папочка сейчас пообедает и уедет?

– И какие у вас планы? – спросила я, стараясь говорить как можно более беззаботно.

– Хочу сегодня поработать дома, – любезно отозвался «наш папочка». – Пообедаю и буду в своем кабинете.

Ох ты ж, какая неприятность! Теперь точно стало ясно: Игоря нужно найти как можно скорее. Было бы неплохо, чтобы в этом доме обнаружился ещё и подземный ход, через который можно вывести моих «институтских подруг».

– А я, пожалуй, прилягу, – сказала я, пятясь к выходу из кухни, – что-то себя не очень чувствую. Приятного аппетита…

Я выскользнула в коридор, быстро домчалась до своей комнаты и, только захлопнув дверь, перевела дух.

Конечно, предупредить Игоря и тайком выпроводить его гостей – это хорошая идея, да только трудноосуществимая. Прежде всего, я понятия не имею, где они. А дом тут, может, и не такой большой, как я описывала Бояринцеву, но все-таки и не маленький.

Кажется, Игорь что-то говорил насчет сауны. А еще – «спустимся». Логично, сауну обычно располагают в подвале или, как принято говорить, на нулевом этаже. Судя по тому, что дом погружен в тишину, веселая компания и вправду гуляет где-то в подземелье.

Но легче не стало. Обнаружилась одна небольшая проблема: я понятия не имела, как туда пробраться. Кажется, я видела лестницу, которая ведет вниз… Надо хотя бы попытаться найти мужа, пока его не застукал отец.

Глава 10

Я спустилась по лестнице, открыла тяжелую деревянную дверь и обнаружила там… Еще одну лестницу! Уже не такую широкую и слабо освещенную. Мне показалось, что поблизости играет музыка. Звуки едва-едва доносились, словно их источник был скрыт от меня несколькими дверями. Конечно, разве компания может веселиться в тишине… Впрочем, осознав, какие именно звуки я услышала бы, не будь тут музыкального сопровождения, я покраснела и украдкой огляделась по сторонам. Ну уж нет! Лучше пусть будет музыка. И дверь, в которую можно постучать, а не вламываться ненароком.

Преодолев крутые ступеньки, я пошла по узкому коридору, стены которого были искусно отделаны деревом «под старину». Жаль, рассмотреть как следует эту красоту оказалось почти невозможно из-за ужасного освещения. Экономят на лампочках, что ли? Да уж, у богатых своя жизнь! И вообще… Может, это нарочно сделано для создания интимности. Может, тут даже есть «особая» комната, отлично оборудованная для реализации каких-нибудь своеобразных фантазий хозяина.

Перед глазами возникли каменные шершавые стены, свисающие с потолка наручники. Холодный металл обхватывает запястья, тянет вверх, заставляя вытягиваться в струнку, подниматься на цыпочки… С хрустом рвется ткань платья, снизу доверху… А сзади хриплое горячее дыхание и… едва уловимый горьковатый запах парфюма…

Ох ты ж… Я затормозила и даже потрясла головой, чтоб избавиться от наваждения. Полутемный узкий коридор покачивался, сердце колотилось так, будто со мной и впрямь проделали все привидевшееся. Черт побери, это не у хозяина фантазии, это у меня что-то с головой! Мания темных коридоров, не иначе. Как только темно, так – бац, и у меня крышу сносит. Что сейчас, что вчера. Господи, зря я об этом подумала…

Воспоминания о минувшей ночи нахлынули неожиданно, накрыли с головой, потащили в обжигающий омут. Приказ: «Молчи!» – отданный коротко и жестко, так, что я не смогла ослушаться, жар мужского крепкого тела сзади, холодная шершавость стены, слегка царапающая живот, горячие жадные руки, тискающие голую грудь… Стоп! Я не должна об этом думать, по крайней мере, думать так, словно мне это понравилось, словно я хотела бы это повторить. Конечно, нет! Это немыслимо, неприлично и непристойно! Это ошибка! Но почему-то дыхание сбилось, а низ живота тянуло жарко и сладко.

Я прислонилась к стене, пытаясь прийти в себя. В спину впилось что-то твердое вроде рычага или дверной ручки, или… Повернуться и рассмотреть не успела: раздался тихий щелчок, и подвал погрузился в темноту. От неожиданности я взвизгнула и отпрянула, больно стукнувшись обо что-то плечом. Кажется, о противоположную стену.

Звуки музыки больше не слышались. Вообще ничего не слышалось, кроме моего испуганного дыхания. Так, спокойно. Я просто что-то выключила… Нужно включить это обратно. А оно там, откуда я отпрыгнула. Вытянув руки, я сделала пару неуверенных шагов, потом еще пару и наконец наткнулась на стену. Странно. Коридор вроде был гораздо уже при свете. Я стала шарить рукой по стене, но безрезультатно. Если там и был какой-то выключатель, то он мне не попадался. Надо выбираться! А свет… Да пусть Бояринцевы сами его включают в своих катакомбах! И тут я с ужасом поняла, что в кромешной тьме не представляю, куда идти. Если бы я не прыгала, как очумевший кузнечик, от стены к стене, еще можно было бы хоть как-то сориентироваться. Ладно, не лабиринт же, в самом деле. Куда-нибудь да приду. Я усилием воли подавила подступающую панику и, придерживаясь за стену, стала медленно делать шаг за шагом. Надеюсь, что в нужную сторону. Прошло несколько минут – а может, и больше, ощущение времени как-то совсем пропало, – прежде чем я увидела впереди тусклое голубова-

тое свечение. Но не успела я обрадоваться, как с той стороны раздался низкий тяжелый голос, слишком знакомый голос:

– Кто здесь?

Бояринцев.

Я испуганно притихла, чувствуя, как каждый волосок на моем теле поднимается дыбом. Мелькнула трусливая мысль: не откликаться. Он меня не найдет в темноте. Прижмусь к стенке, он и пройдет мимо.

Шаги приближались. Я слышала, как он споткнулся обо что-то, чертыхнулся, теперь уже совсем рядом.

– Здесь я… – Горло перехватило, и вместо внятной речи вырвался какой-то писк. Я кашлянула и уточнила: – Ульяна…

Важное уточнение. Не то опять с кем-нибудь меня спутает.

Бояринцев остановился и навел на меня фонарик из телефона.

– Что ты здесь делаешь? – В его голосе отчетливо слышался металл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.